

УДК 316

Развитие теории социального научения и профилактика терроризма**Комлев Ю.Ю.**

Доктор социологических наук, профессор, полковник полиции, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье анализируется развитие теории социального научения в социоструктурном контексте. Раскрывается ее объяснительный потенциал в профилактике терроризма.

Ключевые слова: девиантность, экстремизм, терроризм, социальное научение, профилактика.

В современной мировой девиантологии, наряду с интеракционистскими (процессуальными), а также критическими, интегративными концепциями активно используются неопозитивистские подходы, развивающие теорию социального научения девиантности с учетом социоструктурного контекста. Они опираются на теоретический фундамент, созданный в XX в. Э. Сатерлендом, Д. Кресси, Д. Глейзером, Д. Лукенбилом, Р. Айкерсом и другими криминологами.

Обратиться к теоретическому опыту криминологов-неопозитивистов вынуждает криминальная реальность, вызванная угрозой массового распространения религиозного экстремизма и терроризма в среде некоторой части населения республик Северного Кавказа, Поволжья, Урала и других регионов страны. Кроме того, отечественные исследователи все еще недостаточно знакомы с современными интерпретациями теории социального научения. Положения этой девиантологической теории, наряду с другими непротиворечивыми постклассическими подходами, вполне укладываются в методологический фрейм исследования религиозного экстремизма и терроризма и имеют немалый потенциал для концептуализации мер, направленных на превенцию этих форм негативной девиантности в молодежной среде.

Теракты, организованные боевиками-исламистами на Северном Кавказе, в Израиле, других странах, подрыв российского лайнера над Синаем, террористические атаки в Париже, в Брюсселе, война с запрещенными в России организациями «Исламское государство» (ИГИЛ), «Джабхад ан-Нусра» и другими террористическими структурами в Сирии свиде-

тельствуют о том, что проблема исламского фундаментализма и терроризма приобретает вселенский характер.

Лидеры государств, политики, военные, правове-ды и практики спецслужб все чаще высказываются за усиление военного ответа; за реализацию репрессий против террористов; за отмену моратория на смертную казнь по определенным составам преступлений; за отсечение финансовых потоков, направленных на поддержку терроризма; за усиление работы спецслужб по выявлению и ликвидации каналов переброски боевиков и поставки вооружений; за ликвидацию террористических ячеек и укрепление пограничного контроля. Все эти усилия, безусловно, необходимы, поскольку они реактивно работают на конечный результат. Однако политика усиления репрессивных мер – это лишь один из аспектов противодействия экспансии мирового терроризма. Ее необходимо дополнять и сочетать с программами превентивных мер и действиями по профилактике религиозного экстремизма и терроризма, по разоблачению целей фундаменталистов и элиминации их влияния на незрелую часть мусульманской молодежи.

По данным правоохранителей, под черными знаменами террористических структур ИГИЛ, «Джабхад ан-Нусра» и других группировок в Сирии, – переднем крае борьбы с терроризмом, – сосредоточены полторы тысячи боевиков – выходцев из российских регионов. После решительного содействия Воздушно-космических сил России сирийской армии, в результате которого за 5 месяцев удалось переломить ситуацию на ближневосточном театре антитеррористического фронта, по-прежнему остается реальной

угроза массового возвращения членов бандформирований в российские регионы с преимущественно мусульманским населением. Исламисты, потерпевшие фиаско в открытом военном столкновении, по возвращении домой могут не только развязать локальный террор, но и развить пропагандистскую активность в молодежной среде с целью рекрутирования новых бойцов ИГИЛ.

Структурами «Исламского государства» предпринимается активные попытки по привлечению молодых мусульман на войну с «неправильными» единоверцами и «неверными» по «идейным» соображениям (наряду с наемниками их около 40 %). Для этой цели используется Интернет-пропаганда, специальная литература, религиозные проповеди и другие формы общения. Неслучайно, в социальных сетях российского сегмента мировой паутины заметно выросло число сообществ, у которых в центре внимания находятся темы, связанные с ИГИЛ. Так, например, «В Контакте» за последние месяцы, по оценкам экспертов, обнаружено порядка 70 таких тематических групп [1]. Эта проблема, увы, не теряет своей остроты, отсюда существует необходимость в контрмерах, направленных на превентивное противодействие социально опасным, крайним формам религиозной девиантности.

Поиск теоретических моделей и научно обоснованных практических решений по профилактике вовлечения в террористическую деятельность исламской молодежи может быть развернут, в том числе, с привлечением положений теории социального научения девиантности, учитывающих современный социоструктурный контекст и тесно связанный с ним коммуникативный ракурс проблемы.

Социологическая теория социального научения была сформулирована Э. Сатерлендом в 1939 г. Он обосновал положение о том, что «особый причинный процесс развития систематического преступного поведения – это дифференциальная ассоциация индивида с лицами, совершающими преступления» [2, с. 107]. Сатерленд сформулировал основные принципы дифференциальной связи, объясняющие феномен преступности. Преступное поведение он рассматривал как результат обучения в процессе символического взаимодействия с преступниками в первичных или тесно связанных между собой социальных группах. Применительно к распространению экстремизма и терроризма в современном глобальном мире это может быть общение в рамках соседского сообщества, этнической группы, религиозной общины, проповеди или сетевых Интернет-контактов.

Передача преступных ценностей и умений, по Сатерленду, происходит лишь на индивидуальном или групповом уровне общения. Он считал, что преступное поведение есть результат того, что индивид усвоил в избытке определения, благоприятные для

нарушения закона. Сатерленд указывал на модальность дифференциальной связи, когда имеет значение частота, продолжительность, интенсивность преобладания определений, благоприятных для нарушения закона над неблагоприятными.

Несмотря на то, что процесс обучения преступному поведению описан слишком поверхностно и не раскрывает генезис криминальной карьеры, теория дифференциальной связи, как пишет известный современный криминолог-неопозитивист Ф. Шмаллегер, является одной из первых удачных попыток сочетания психологических (обучение) и социологических принципов в объяснении преступного поведения [3, р. 301]. В последующем Дональд Кресси, дополняя теорию Сатерленда, ввел понятие «криминальный образец поведения», которое включает положительное отношение к нарушению закона и само делинквентное поведение. Даниэль Глейзер процесс дифференциальной ассоциации уточнил понятием «дифференциальной идентификации». В рамках дифференциальной идентификации, по Глейзеру, индивид следует девиантному образцу постольку, поскольку он олицетворяет себя с единоверцами, близкими друзьями, родственниками, либо референтными группами, кумирами, то есть реальными или воображаемыми людьми, для которых криминальный эталон вполне допустим. Эрнст Берджесс, развивая теорию научения, обосновал концепт «усиление дифференциальной ассоциации», суть которого состоит в том, что индивид выбирает путь преступлений, а не конформизм в случае, если получает при криминальном выборе большее вознаграждение.

Однако самую существенную интенцию теория социального научения получает в работах Рональда Айкерса. В его версии используются как концепт «усиление дифференциальной ассоциации» преступного поведения, так и положение бихевиоризма о том, что поведение есть ответная реакция на определенный стимул [4, р. 62-67]. Преступное поведение, в том числе в форме терроризма, формируется в рамках оперантной модели обуславливания, когда индивид получает осязаемое позитивное подкрепление (например, материальное вознаграждение или удовлетворение) за участие в преступлениях и продолжает преступную деятельность. Так, когда рядовым террористам перестают платить, они, например, покидают свои позиции в Сирии и перестают подчиняться главарям бандформирований, как сообщают об этом в СМИ.

Р. Айкерс доказывает, что девиантность вызывается дифференциальными связями не с помощью прямого влияния, а опосредованно – в рамках специальных механизмов *дифференциальной идентификации, дифференциального усиления, и имитации*. Он уточняет понятие «дифференциальное усиление».

В предложенной криминологом бихейвиористской интерпретации, дифференциальное усиление характеризует меру влияния различных форм поощрения или наказания на результирующее девиантное поведение индивида. Так, реальный преступный акт здесь и сейчас или возможно в будущем будет зависеть от прошлых, настоящих и ожидаемых в перспективе поощрений и наказаний за его совершение. Вероятность криминального события, например, в форме теракта или его рецидив, определено увеличивается при поощрительной реакции на него. Такой реакцией может выступать и получение больших денег, и понимание своей особой миссии в джихаде, и похвалы главаря бандгруппы. Это и есть *положительное усиление*. Разумеется, вероятность совершения теракта увеличивается, если индивид может избежать сурового наказания или других мер репрессии, а также обструкции, общественного порицания, нежелательной огласки, (безнаказанность). Это явление представляет собой *негативное усиление*.

Р. Айкерс в деталях характеризует модальность феноменов дифференциальной ассоциации и дифференциального усиления. С его точки зрения, чем больше значение показателей ассоциации или усиления, тем выше вероятность наступления девиантных событий, в том числе, в форме проявлений религиозного экстремизма и терроризма.

Согласно теории Айкерса, социальное научение является процессом комплексного взаимодействия с сильно выраженным эффектом обратной связи личности и преступной среды, где доминируют нормы специфической криминальной субкультуры и ценности религиозных экстремистов и террористов. В результате целенаправленного социального научения с учетом как прямых, так и обратных связей формируется набор интериоризированных девиантных установок, среди которых доминирует негативное определение светских законов по образцу «они написаны не для нас», «реализовать себя можно только в борьбе» и др. Процесс научения усиливается *имитацией* вполне допустимых в среде религиозных реббелитов моделей криминального и даже саморазрушительного поведения (когда, например, совершают казни с записью на видео, или акты самоподрывов в людных местах). Устойчивое преступное поведение в итоге закрепляется в ходе дифференциального усиления (положительного или отрицательного).

Модель социального научения Р. Айкерса была разработана применительно к общеуголовной преступности. Однако она вполне работоспособна и в случае религиозного экстремизма и терроризма в молодежной среде. Процесс научения реализуется подспудно и достигает своего апогея, когда рекрутированный индивид дифференциально ассоциируется с идентичностью борцов за «истинную веру».

Террористическая активность дифференциально усиливается, когда специфическая интерпретация норм Шариата ставится выше светского законодательства, которому даются «благоприятные» для совершения преступлений определения. Дифференциальное усиление обеспечивается большим вознаграждением и минимальными рисками за деликты, санкционированные лидерами религиозных экстремистов.

Р. Айкерс существенно развивает и социоструктурный аспект теории социального научения, поскольку процесс дифференциальной ассоциации при вовлечении личности в преступное поведение должен соотноситься с дифференциальной социальной организацией. Он подробно описывает связь между социальной организацией общества и криминальным поведением личности. Так, семья, школа, СМИ, религия и другие социальные институты обуславливают общие контексты научения индивидов. Они либо способствуют, либо препятствуют преступному или конформному поведению личности. Различия на общесоциальном или групповом уровнях участия в криминальном поведении существуют в том объеме и качестве, в каком культурные традиции, нормы и система социального контроля обеспечивают социализацию, условия научения, ведущие к конформизму либо девиантности.

Социоструктурная модель, предложенная Р. Айкерсом, показывает, что то или иное поведение индивида формируется посредством процесса социального научения через дифференциальную ассоциацию, дифференциальное усиление, определение закона, имитацию и другие переменные в рамках социальных институтов семьи, школы, религии, СМИ.

В условиях глобализации и технологической революции в первой четверти XXI в. стали массовыми перемещения не только услуг и товаров, но и людей, например, паломников, проповедников, сектантов. В результате увеличилось количество, возросла конкуренция религиозных дискурсов, в том числе конфликтующих, за влияние на сознание паствы и, прежде всего, молодежи как в рамках, так и за пределами конфессиональных учреждений. Произошло тотальное распространение и частичное замещение традиционных СМИ виртуальными информационными ресурсами Интернета, что взрывообразно актуализировало роль новых социоструктурных и тесно связанных с ними коммуникативных факторов в процессах научения девиантности в целом и религиозному экстремизму и терроризму, в частности.

Финансовые ресурсы террористических организаций расходуются не только на покупку материальных ресурсов (оружия, продуктов, создание криминального бизнеса), но и в немалой степени на подготовку проповедников террора, усиление пропаганды религиозного экстремизма. Отсюда совершенно оправданны разносторонние меры ре-

прессивного социального контроля по дальнейшему разрушению криминальных источников финансирования терроризма. Блокировка спонсоров террора и пресечение коммерческой активности террористических организаций в области демпинговой продажи нефти, транзита и распространения наркотиков, продажи людей в рабство, незаконного оборота на рынке артефактов древностей и других форм криминального бизнеса существенно снижают возможности для финансирования пропаганды религиозно-экстремизма.

Наряду с совершенствованием системы формального социального контроля над проявлениями терроризма, крайне важно обеспечить работу институтов социализации по светскому и, там где нужно, традиционному религиозному воспитанию молодежи. При этом весьма целесообразно активизировать роль социоструктурных факторов в профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде. Для этого в системе образования, в центральных и региональных, местных СМИ, в блогосфере, в рамках семейного воспитания, в работе местных сообществ, институтов гражданского общества, религиозных общин традиционной ориентации необходимы решительные усилия по элиминации пропаганды экстремизма и терроризма, по развитию добрососедства и межрелигиозной толерантности. Религиозная идентичность не должна быть воинственной, покушающейся на конституционные права граждан, и определять девиантное настоящее и будущее молодежи.

Абсолютно необходимо совершенствовать в условиях борьбы с террором, возникшим на религиозной почве, эффективный контроль со стороны государства над системой подготовки священников,

исключающий захват религиозных институтов радикальными исламистами и их проповедниками, а также ограничение влияния образовательных организаций зарубежных стран на социализацию подростков и молодежи по вопросам религиозного воспитания.

Пренебрежение профилактическими мерами социоструктурного, а также коммуникативного порядка в отношении экстремизма и терроризма дорого обходится обществу, о чем свидетельствует печальный опыт государственного переворота на Украине в 2014 г., инспирированный заокеанскими спонсорами и реализованный экстремистами и националистами с применением методов террора, использовавших, в том числе и религиозный фактор.

Литература:

1. Под черными знаменами. – URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5091/> (06.10.2015 г.).
2. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. – 2-е изд., испр., и доп. – СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. – 222 с.
3. Shmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. – New Jersey, 1999. – 624 p.
4. Akers R. Criminological theories: introduction and evolution. 2nd ed. – Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. – 248 p.

Development of the theory of social learning and prevention of terrorism

Yu. Yu. Komlev
The Kazan Legal Institute MIA of Russia

The article analyzes the development of the theory of social learning in social and structural contexts. The author reveals its explanatory potential in prevention of terrorism.

Key words: deviance, extremism, terrorism, social learning, prevention.